

НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

(По данным источников, современных архаическому периоду).

Источниками для начальной стадии развития государства в Египте служат две основные категории материалов: 1) архаические памятники и 2) ретроспективные данные. К первой категории относятся надписи и вещественные памятники, современные изучаемому периоду; ко второй—памятники египетской исторической традиции (Палермская хроника, списки царей, сочинения Манефона), религиозные тексты, восходящие к архаическому периоду (Тексты Пирамид, камень Шабак и т. п.) и данные мифологии, сведения о пережиточно-сохранившихся архаических социально-экономических и юридических институтах и материалы сравнительной этнографии.

Данные обеих этих категорий источников, часто далеко неясные сами по себе, взаимно освещают и дополняют друг друга. Однако данные ретроспективных источников в том случае, если они рассматриваются без учета данных первой категории памятников, могут привести исследователя к ложным выводам. Зато сведения, черпаемые из источников, современных изучаемому периоду, как бы ни были они скудны, составляют всегда те вехи, которые позволяют историку идти правильным путем.

Между тем, несмотря на то, что со времени археологических открытий Амедино, де-Моргана, Петри, Квибелля, обнаруживших основную массу известных нам памятников архаического периода, прошло уже полвека, до сих пор в египтологической литературе не появлялось работ, специально посвященных анализу и оценке всех этих памятников, как исторического источника.

В единственной работе подобного типа, книге «Les origines de l'Égypte pharaonique» Раймонда Вейля обзор архаических памятников дается только начиная со времени II династии, но и эта работа в значительной степени устарела.

Другая работа, рассматривающая архаические памятники, книга знаменитого бельгийского египтолога Капара «Les débuts de l'art en Égypte» (Bruxelles, 1904) ограничивается рассмотрением только памятников искусства. Все же труд Капара вместе с дополняющей его книгой «Les origines de la civilisation égyptienne» (Paris, 1914) по исключительной тщательности и полноте собранного материала и библиографических указаний до сих пор представляет собой незаменимое пособие для всякого изучающего архаические памятники.

Две другие крупные работы, посвященные источниковедению изучаемого периода: Зете «Beiträge zur ältesten Geschichte Aegyptens» и Байера «Religion der ältesten ägyptischen Inschriften» («Anthropos», Bd. XX, Heft 5—6 (1925); Bd. XXII, Heft 3—4 и 5—6 (1927); Bd. XXIII, Heft 3—4 (1928) также рассматривают только одну категорию памятников, а именно памятники письменности, и также не всесторонне, а только под специальным углом зрения. Работа Зете посвящена анализу данных архаических памятников для решения проблемы относительной хронологии этого периода, а работа Байера—анализу сведений архаических памятников для истории религии архаического Египта.

Наконец, ряд исследований посвящен интерпретации отдельных групп памятников¹.

Что касается общих работ по истории Египта, то только две из них уделяют достаточное внимание архаическому периоду и источникам, современным этому периоду.

Первая из них—«History of Egypt»² принадлежит перу Флиндерса Петри, которому мы обязаны открытием важнейших архаических памятников и установлением основ системы относительной хронологии этого периода. В первых главах своей работы

¹ Статьи Навилля, Ньюберри, Вейля, Лежже, Флиттнер, Бороздиной—Козьминой.

² W. M. Flinders Petrie, History of Egypt, London, 1921.

Петри впервые в историографии дал краткий последовательно-хронологический обзор всех важнейших архаических надписей и суммарную, сжатую, но весьма полную характеристику вещественных памятников и надписей, современных архаическому Египту. Но как очерк истории архаического Египта эта работа совершенно не достигает своей цели, так как автор не дает никаких исторических выводов.

Второй работой общего характера, уделившей должное внимание архаическому периоду и архаическим источникам, была «Geschichte des Altertums» Эдуарда Мейера. В ней архаическому периоду посвящено 38 параграфов (120 страниц в издании 1926 г.), т. е. приблизительно столько же, сколько и периоду Древнего царства. Эти 38 параграфов занимают в историографии вопроса исключительное место, как первая и по существу единственная работа, связно и подробно излагающая социальную, политическую и культурную историю этого периода на основании анализа источников различного рода. Работа Мейера подвела итог результатам изучения архаического периода до 1912 г. и учла все достижения того времени в оценке исторического значения этого периода: во-первых, установление генетического единства династической и додинастической истории Египта, во-вторых, установление историчности сведений Манефона о царях и событиях периода I—II династий и относительной хронологии этого периода и, в-третьих, установление непосредственной связи архаического периода с периодом Древнего царства. Большим достоинством работы Эдуарда Мейера было также и то, что он сделал попытку охарактеризовать политический строй архаики на основании анализа источников, современных этому периоду.

Но для настоящего времени значение работы Мейера снижается тем, что в последующих изданиях «Geschichte des Altertums» эта часть первого тома перепечатывалась без каких-либо изменений и дополнений, без учета новых археологических открытий и исследований.

Так обстоит дело с изучением интересующей нас группы источников. Как же обстоит, с другой стороны, дело с историографией проблемы возникновения государства?

В буржуазной историографии древнего Египта проблема возникновения государства вообще не занимает самостоятельного места. Одна группа исследователей, как, например, Петри, де-Морган, Зете, отделяется от этой проблемы путем утверждения, что «монархия» была привнесена в Египет извне, в качестве этнической особенности каких-то завоевателей долины Нила. А так как археологические открытия XX в. сделали очевидным генетическое единство культуры и расового типа «додинастического» и «династического» Египта, то эти ученые стали относить момент этого завоевания и культурных взаимодействий, в результате которых якобы возникла «монархия», к незапамятным временам неолитического периода. Другие, как, например, Эд. Мейер, Брестед, Тураев, признающие самобытность развития древнеегипетской культуры, обходят, однако, полным молчанием вопрос о причинах и путях возникновения государства, довольствуясь замечанием, что государство существовало в Египте уже задолго до «исторического времени» («Geschichte des Altertums, I Bd., 2. Abt., S. 176).

Исключительное место в буржуазной историографии вопроса о развитии государства в Египте занимает небольшая работа Александра Морэ, написанная в сотрудничестве с Дави (A. Moret et G. Davy, Des clans aux empires. L'organisation sociale chez les primitifs et dans l'Orient ancien. Paris, 1923). В противоположность Масперо, Эд. Мейеру и Зете, Морэ специально ставит вопрос о возникновении государства, считая, что оно появилось в результате процесса социального развития родового («кланового», по выражению автора) строя. Но, что касается характеристики социальной структуры этого общества, причин происхождения и путей развития государства, то и Морэ, так же как другие буржуазные ученые, просто игнорирует эту проблему.

Характерной особенностью всех исследований буржуазных ученых, посвященных периоду архаики является пренебрежение со стороны этих ученых данными источников, современных изучаемому периоду. Такие работы, как «Urgeschichte und älteste Religion der Aegypter» (1930) Зете и «Aegypten als Feld für anthropologische Forschung» (1924)

Ньюберри, несмотря на то, что их авторы являются крупнейшими знатоками архаических памятников, основываются почти исключительно на гипотетическом толковании данных мифологии и других ретроспективных источников. Тем самым в значительной степени обесцениваются выводы этих работ, остающиеся лишь гипотезами, что признают и сами авторы. Причина такой недооценки значения архаических памятников кроется в характерной для многих буржуазных историков тенденции рассматривать исторические явления не в их изменениях, в их развитии, в их движении, но как явления статические, что позволяет им злоупотреблять сведениями из истории более поздних периодов при характеристике явлений более ранних и пренебрегать методом последовательно-хронологического изучения источников.

Но даже и те буржуазные историки, которые, как, например, Эд. Мейер и Хэлл, обращаются в своих исследованиях к источникам, современному изучаемому периоду, рассматривают данные этих источников только как составные части реконструируемой ими на основании ретроспективных данных статической картины общества и государства в период I—II династий. При таком методе изучения исторических явлений от внимания исследователей неминуемо ускользает проблема генезиса государства, в частности проблема становления государственного аппарата. Подлинно научное разрешение проблемы происхождения государства вообще было впервые дано в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В трудах основоположников марксизма также впервые был дан и глубочайший научный анализ природы древневосточного государства, его особенностей, обусловленных экономическим строем древневосточных обществ¹.

Исходя из этих основных положений авторы светских курсов истории древнего Востока академик Струве и профессор Авдиев впервые в специальной литературе дали научную постановку и общее суммарное разрешение проблемы происхождения государства на древнем Востоке.

Специально вопрос о происхождении государства в древнем Египте затрагивается в работе В. И. Авдиева «Сельская община и искусственное сращивание в древнем Египте»², в которой был исследован вопрос о сохранении в системе государственного аппарата времени Древнего царства институтов, восходящих к родовому строю. Но вопрос о возможности проследить формирование государственного аппарата в древнем Египте в период архаики на основании источников, современных этому периоду, до сих пор еще не затрагивался в литературе. Исследование этой стороны проблемы и составляет задачу настоящей статьи.

Какие же данные можно почерпнуть из источников, современных изучаемому периоду, для характеристики социально-экономического строя Египта в период от появления древнейших (из известных науке) надписей и до конца периода II династии?

Анализ погребального инвентаря некрополей, относящихся к этому времени, свидетельствует о наличии в этом обществе резкого имущественного неравенства; в то время как погребения рядовых египтян представляют собой простые ямы со скудным погребальным инвентарем³, другие погребения того же времени являются сложными

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. ВДИ, 1940, № 1, стр. 8—26.

К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. XXI, стр. 501.

К. Маркс, *Капитал*, т. I, изд. 8-е, стр. 270—271.

² «Историк-марксист», 1934, № 6, стр. 70—83.

³ См. публикации раскопок некрополей в Эль-Амра, Тархане, Нага-ед—Дер, абидосского городища и некрополя в Саккара: D. Randall-Maciver and A. Mace, *El-Amrah and Abydos*, 1899—1901, London, 1902; W. M. Flinders Petrie, *Tarkhan I and Memphis V*, London, 1913; он же, *Tarkhan II*, London, 1914; G. Reisner and A. Mace, *The early dynastic cemeteries of Naga-ed-Der*, vol. I—II, Leipzig, 1908—1909; W. M. Flinders Petrie, *Abydos*, vol. II, London, 1902; «Chronique d'Égypte», № 24 (1937), стр. 165—166.

архитектурными сооружениями и содержат сотни предметов погребального инвентаря, исполненных с высоким техническим мастерством и часто из драгоценных, редких материалов¹. В погребении последнего рода уже часто присутствуют надписи, в то время как в рядовых погребениях они совершенно не встречаются. О наличии этого имущественного неравенства также свидетельствуют и различия во внешнем облике людей, изображенных в полупиктографических надписях, рельефах и скульптуре этого времени: рядовые египтяне изображаются почти без всякой одежды, с просто остриженной головой и с бородкой, а представители имущего класса —

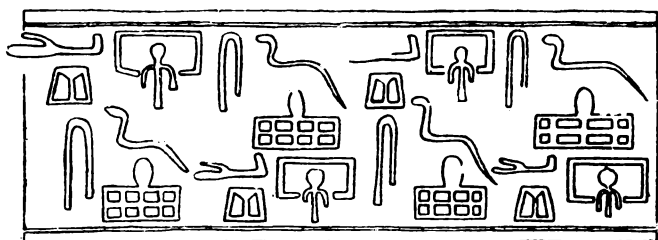

Рис. 1. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 40)

длинных, иногда вышитых одеяниях, париках и бритыми или, иногда, с искусственной бородой.

О существовании института рабства свидетельствуют архаические надписи, перечисляющие военную добычу, скот и пленных²; перечисление пленных наряду со скотом показывает, что они рассматривались как материальная ценность, т. е. как рабы.

Существование института рабства подтверждается также и надписями на погребальных стенах из гробниц, окружающих кенотаф царя Дена в Абидосе³, владельцы

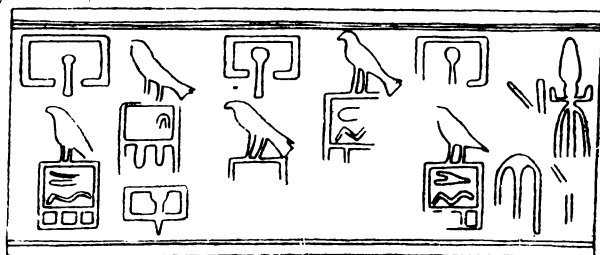

Рис. 2. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 36)

которых называют себя «пленницами царя Семти» (s'kr). Таким образом, архаические

¹ См. публикации раскопок царских гробниц в Абидосе, Nezlet Batran и Саккара: W. M. Flinders Petrie, Part I—«The royal tombs of the first dynasty», Part II—«The royal tombs of the early dynasties», London, 1900—1901 (RT); он же, Abydos, vol. I—II, London, 1902; G. Daresy, Un édifice archaïque à Nezlet Batran. «Ann. du Service», VI, стр. 99—106; Chronique d'Égypte, № 26 (1938), стр. 283—285; ILN, 12 февр. 1938 г., стр. 247—151; «Chronique d'Égypte», № 28 (1939), стр. 263—264; и гробниц знати в Тархане (ук. соч.) и Саккара: «Chronique d'Égypte», № 24 (1937), стр. 165—166; там же, № 26 (1938), стр. 283; JEA, XXIV (1938), стр. 243; AOF, XII, Heft 4/5, стр. 303 сл.; AJA, XLVI, 4 (1942); W. B. E m e r y, The Tomb of Hemaka, Cairo, 1938. Последняя работа пока еще в СССР не получена, см. предварительные сообщения о раскопках в ILN, 15 апр. 1936 г., стр. 722; AOF, XI, Heft 3, стр. 178—179; «Chronique d'Égypte», № 22 (1936), стр. 369—372.

² Победные надписи Нармера и Хасехемуи.

³ RT, II, XXVII, 120—125.

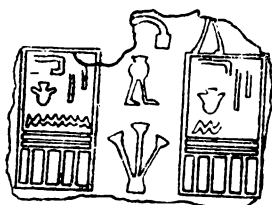

Рис. 3. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехемиба в Абидосе (RT, I, № 184)

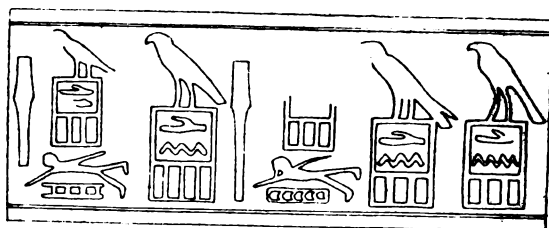

Рис. 6. Оттиск печати из гробницы Дена в Абидосе (RT, II, № 147)

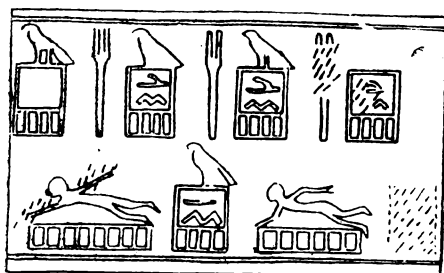

Рис. 4. Оттиск печати из гробницы Мернеит в Абидосе (RT, I, № 21)

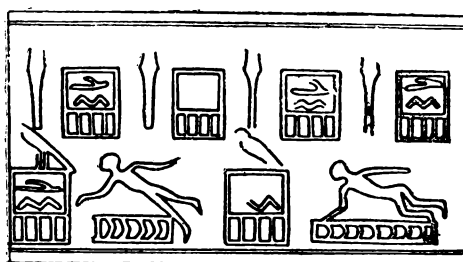

Рис. 5. Оттиск печати из гробницы Дена в Абидосе (RT, II, № 146)

Рис. 7. Оттиск печати из гробницы Дена в Абидосе (RT, II, № 148)

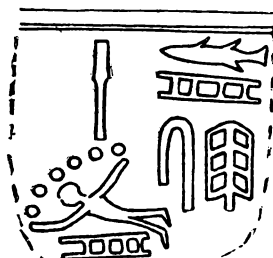

Рис. 10. Оттиск печати из гробницы Анджиба в Абидосе (RT, I, № 67)

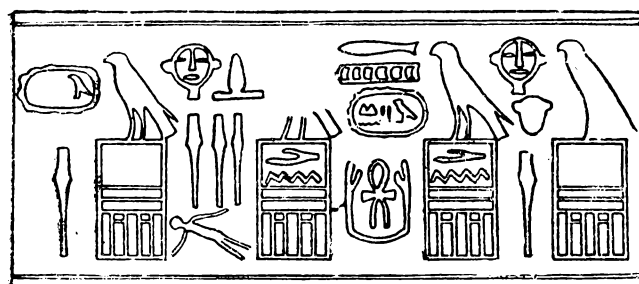

Рис. 8. Оттиск печати из гробницы Дена в Абидосе (RT, II, № 149)

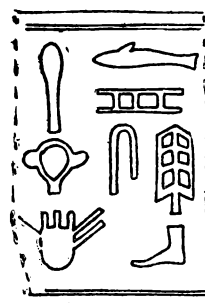

Рис. 9. Оттиск печати из гробницы Анджиба в Абидосе (RT, I, № 66)

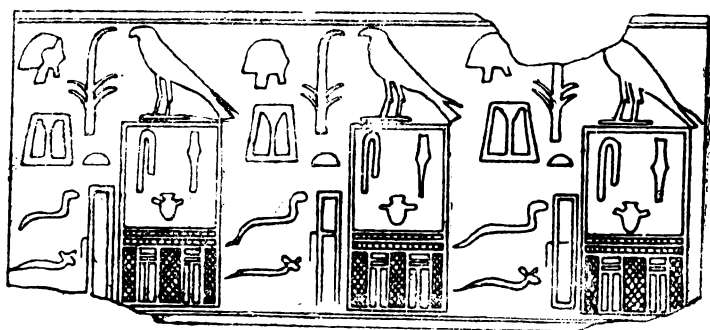

Рис. 11. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехнеба в Абидосе (RT, II, № 165)

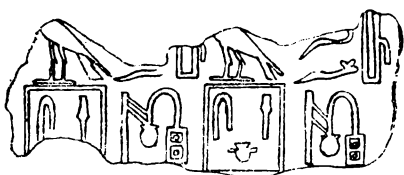

Рис. 12. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехнеба в Абидосе (RT, II, № 166)

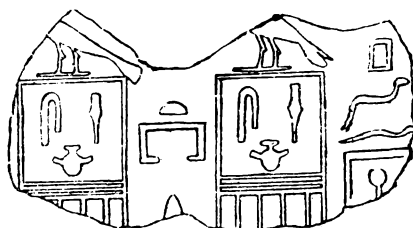

Рис. 13. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехнеба в Абидосе (RT, II, № 167)

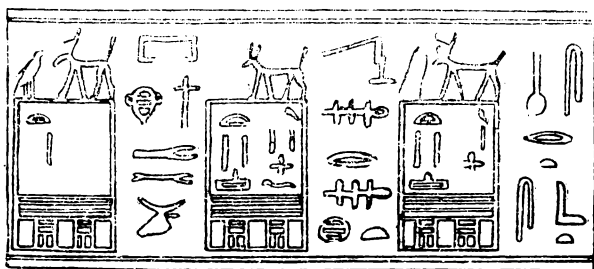

Рис. 14. Оттиск печати из гробницы Хасехемун в Абидосе (RT, II, № 198)

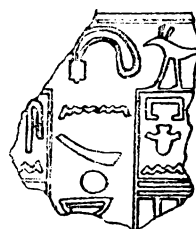
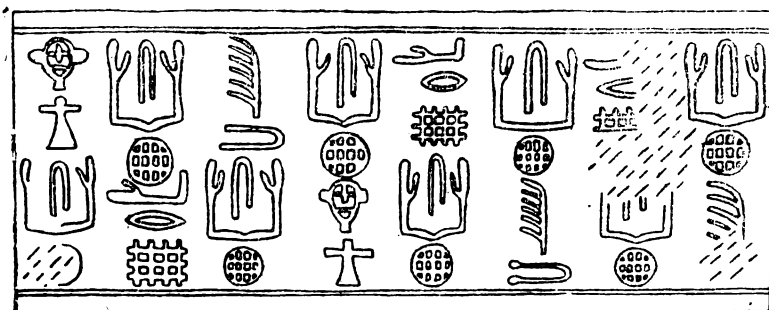

Рис. 16. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехнеба в Абидосе (RT, II, № 185)

(6) У

Рис. 15. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 30)

памятники дают точные сведения о наличии одного из видов рабства—рабства военно-пленных. Существовали ли в то время другие виды рабства, и какое место занимал институт рабства вообще в социально-экономическом строе архаического Египта? На этот вопрос рассматриваемые здесь источники прямого ответа не дают.

Все эти данные свидетельствуют о классовом характере египетского общества в период архаики. Но факт разделения общества на классы, составляющий предпосылку возникновения государства, сам по себе еще не доказывает существования последнего. Критерием существования государства может служить только наличие «отделенной от народа общественной власти»¹.

В надписях времени I—II династий мы встречаем ряд названий ведомств и должностей государственного аппарата, свидетельствующих о существовании такой власти. Таковы названия «сокровищница» (pr-ḥd)², «хранитель печати ведомства сбора дани Севера» (ḏ²st(?) inj mḥjt,)³ начальники ведомства ирригационного управления (изображение человека, стоящего в воде и ḥd-mr)⁴ (см. рис. № 4—8), ведомство продовольственного снабжения (pr-ḥd df) и писец этого ведомства⁵, ведомство управления мукомольнями (pr-ḥr-nd) и управляющий мукомольней (ḥr-nd)⁶, начальник ведомства по откорму быков (ḥd in)⁷, хранитель печати для ежедневного (?) клеймения скота (ḏ²st(?) n ḥr nb)⁸, резник (ššm)⁹, виноградодавильни отдельных областей и специально царского дома¹⁰ (см. рис. № 18, 19 и 20), «сехедж» винного погреба¹¹ (см. рис. № 21), надзиратель за возделыванием царских садов при Красном доме¹². Упоминание в наших источниках, уже начиная со времени Нармера, должности писца¹³ свидетельствует о существовании ведомств учета—органов, характерных для государственной организации и чуждых родовому строю. Уже во времена Нармера и I династии писцы занимали высокое положение в системе государственного управления: на

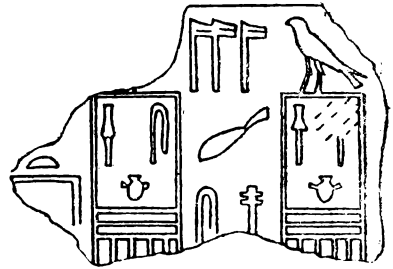

Рис. 17. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехемиба в Аби-досе (RT, II, № 168)

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 100. В другом месте Энгельс говорит также: «Главной отличительной чертой государства является общественная власть, отделенная от массы народа» (стр. 113).

² RT, I, печати №№ 36 и 40. Название pr-ḥd обычно переводится как «сокровищница», но соединение этого названия со словом df (см. ниже) показывает, что под названием pr-ḥd понимался не склад драгоценностей, а вообще всякое хранилище государственных запасов.

³ RT, II, печать № 184.

⁴ RT, I, печати №№ 6, 14, 21, 46, 66, 67, 69, 81; RT, II, печати №№ 121, 146, 147—150; RT, I, печати №№ 6, 14, 24, 25, 49, 53, 55, 56, 64—66, 84. Термин ḥd-mr Бругш переводит, как «инспектор каналов». Эрман, для времени Древнего царства, — «Verwalter eines Gauces». Перевод Бругша принимает и В. Авдиев.

⁵ RT, II, печати №№ 167, 183, 121, 123 и печать № 166.

⁶ RT, II, печать № 198 и RT, I, печать № 30. Толкование Масперо (Études Égyptiennes II, стр. 259).

⁷ RT, II, печать № 198. Толкование Петри в «Anc. Eg.», 1925, 4, стр. 109.

⁸ RT, II, печать № 185. Перевод Петри в «Anc. Eg.», 1926, I, № 1287.

⁹ RT, I, XXXI, 24 и RT, II, печать № 168.

¹⁰ RT, I, печати №№ 37, 38, 73, 74, 77; RT, II, печати №№ 191—193, 202.

¹¹ RT, I, печать № 29.

¹² RT, I, печать № 68.

¹³ Таблица Нармера, см. J. S a p a r t, Début de l'art. фиг. 167—168.

таблице Нармера писец с классическим письменным прибором в руках изображен в числе лиц, наиболее близких к царю; в надписи на стеле времени конца I династии должность писца (*šš*) упоминается в числе двух других высоких должностей, также исполнявшихся этим лицом (*dʿšt(?)bjt* и *семер*)¹.

Все перечисленные названия ведомств и должностей свидетельствуют о существовании специальных органов сбора дани, т. е. о существовании аппарата, осуществлявшего главную функцию деятельности государства: функцию эксплуатации большинства населения страны. В то же время эти надписи указывают на существование широко разветвленного аппарата власти, который был совершенно неизвестен родовому строю с его самодействующей организацией населения.

Вторая, внешняя (не главная), функция государства—расширять территорию своего господствующего класса за счет территории других государств или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств—нашла наглядное отражение в таких надписях, как победные надписи Нармера, Дена, Семерхета, Хасехемуи (или, если это разные лица, Хасехема), перечисляющие поверженных врагов, присоединенные территории и захваченную добычу².

Таким образом, на основании изучения источников, современных изучаемому периоду, мы можем констатировать факт существования государства.

Но констатация факта существования государства в период I—II династий еще не вносит ничего принципиально нового в историю изучения этого вопроса. Сам по себе факт существования государства в этот период не вызывает никаких сомнений у большинства исследователей, как советских³, так и буржуазных. Вопрос заключается в том, чтобы установить, каковы характерные особенности государства в данных конкретно-исторических условиях. Этот вопрос до сих пор еще в литературе пока не затрагивался. Большинство буржуазных историков Древнего Египта в силу своего метафизического метода исследования игнорируют эту проблему вообще и рассматривают систему государственного управления в период I и II династии и Древнего царства, в сущности, как одно целое. Поэтому они находят возможным безоговорочно привлекать данные эпохи Древнего царства для характеристики системы государственного управления периода I и II династий. В результате такого метода Эд. Мейер, Зете, Брестед, Дикманс⁴ и многие другие совершенно упускают из виду данные о динамике развития государственного аппарата. Эд. Мейер, например, безоговорочно считает, что должность «хатиа» и в период архаики была должностью правителя нома, между тем, как будет показано ниже, данные архаических памятников противоречат такому утверждению.

В результате отказа от последовательно-хронологического метода изучения источников возникло, например, и ложное представление о том, что так называемая дуальная система управления Египтом существовала с момента объединения страны. Между тем, как будет показано ниже, в изучаемый период эта система едва начинает складываться. Если мы откажемся от метода механического использования данных последующих периодов для характеристики предыдущего периода и рассмотрим данные наших источников в последовательно-хронологическом порядке, то заметим, что система государственного управления в период I—II династий не только не является адекватной этой системе в период Древнего царства, но также и то, что и на протяжении периода I—II династий эта система непрерывно изменялась. Этот метод последова-

¹ RT, I, XXXI, 43.

² RT, I, XVI, и Брестед, История Египта, М., 1915, т. I, рис. 26; A. Gardiner, The Inscriptions of Sinai, Part I, London, 1917.

³ Исключение составляет только И. Снегирев, который в соответствующей главе книги «Древний Египет» (И. Снегирев и Ю. Францов, Древний Египет, 1938) относит время возникновения государства к началу Древнего царства.

⁴ G. Dykmans, Historie économique et sociale de l'ancienne Égypte, Tt. I—II, Paris, 1936.

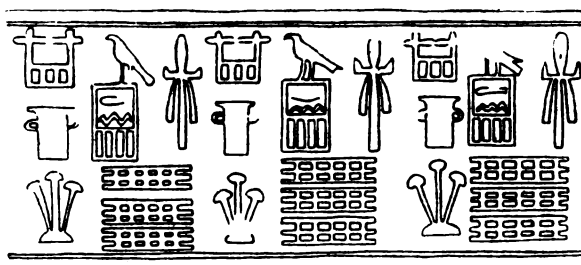

Рис. 18. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 37)

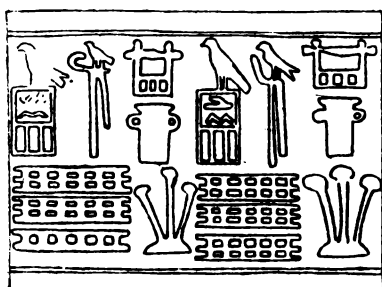

Рис. 19. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 38)

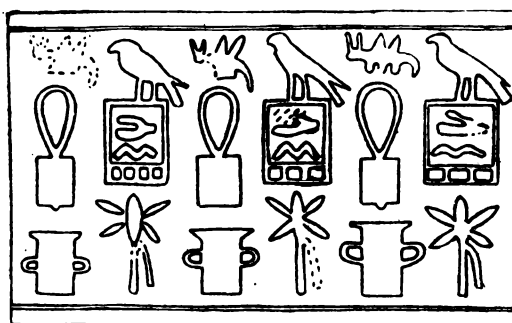

Рис. 20. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 39)

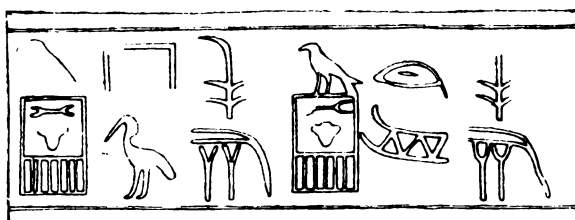

Рис. 22. Оттиск печати из гробницы Анджиба в Абидосе (RT, I, № 68)

Рис. 21. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 29)

Рис. 23. Стела, найденная на пространстве между гробницами Семерхета и Ка-Сена (RT, I, XXXI, 43)

тельно-хронологического анализа источников приведет нас также к осознанию характерных особенностей государственного аппарата этого времени.

Рассматривая архаические надписи как источник для истории становления государственного аппарата, необходимо постоянно иметь в виду специфику происхождения этих надписей. Большая часть их происходит из гробниц царей, и в этой категории надписей, естественно, упоминаются только те должности и ведомства, которые имели отношение к царскому погребальному ритуалу. Более ценным источником могли бы быть надписи погребальных стел из гробниц самих должностных лиц, но эти надписи крайне скудны и лапидарны.

Наибольшую группу надписей составляют оттиски печатей, но в надписях этих печатей упоминаются только ведомства, имевшие отношение к обслуживанию похоронного обряда, а сведения о высших должностях государственного аппарата попадают лишь случайно в немногочисленных надписях памятных табличек.

Все же этот материал позволяет делать некоторые выводы. Если разница в числе упоминаемых в надписях должностей между временем Мины и Джета может еще быть объяснена скудостью общего числа дошедших до нас надписей времени Мины, то появление в надписях времени Дена и Мернейт многих новых должностей, отсутствующих в памятниках времени Джера-Джета, нельзя объяснить только недостатком источников. Несомненно, что здесь мы имеем дело с фактическими изменениями в устройстве государственного аппарата. Также навряд ли может быть объяснено таким образом и отсутствие в надписях Мины должностей, встречаемых впервые в надписях времени Джера: какой-то должности, связанной с ирригационным управлением¹ и должности «сехема» (*šḥm*). Обе эти должности затем весьма часты в надписях I династии; исчезновение первой из них в надписях времени II династии также навряд ли может быть объяснено отсутствием источников.

Насколько позволяют судить источники, для древнейшей стадии процесса становления государственного аппарата в Древнем Египте характерно, во-первых, приспособление старинных институтов родовой организации к новым задачам. Сам институт царской власти носит на себе яркий отпечаток своего происхождения из института власти племенного вождя. Именно к этому институту восходит верховное право царя на всю землю страны и на распределение прибавочного труда ее населения, отразившееся в таких названиях ведомств государственного аппарата, как перечисленные выше ведомства сбора и распределения продуктов и ведомства непосредственного управления отраслями хозяйства страны. Это верховное право царя представляет собой приспособление права высшего единства родо-племенного коллектива, воплощавшегося в лице вождя, к потребностям эксплуатации основной массы населения со стороны имущего класса. Экономически господствующий класс при помощи государства «становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса», — говорит Энгельс². Прибавочный труд коллектива, предназначавшийся первоначально для накопления общего запаса и для покрытия издержек коллектива, т. е. для войны, богослужения и т. д.³, распределяется теперь среди лиц правящего класса. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что погребальный инвентарь в гробницах высокопоставленных лиц запечатывался печатями с именем царя (например, в гробницах Хемака и Сабу некрополя Саккара), следовательно, все довольствие этих лиц шло из правительственных складов.

К представлениям родоплеменного строя о вожде племени как о божественном воплощении высшего единства коллектива восходит и факт обожествления личности царя. Об этом свидетельствует титулатура царя, представляющая собой не что иное

¹ См. рис. 4. Фонетическое звучание и точное значение этой иероглифической группы нам неизвестно, так как она встречается только в архаических надписях.

² Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи... 1937, стр. 165.

³ К. М а р к с, Формы, предшествующие капиталистическому накоплению, ВДИ, 1940, № 1, стр. 11.

как формулы магического отождествления племени в лице его представителя с божеством племени (соколом Гором, фетишем—растением южного Египта, богинями коршун и змеей, двумя соколами—фетишем племени будущего коптосского нома, с богом Сетом). Характерно, что в надписях времени первой половины I династии почти не упоминаются имена должностных лиц (называются только их должности): это показывает, что письменность могла в то время употребляться только царем—богом.

Деспотический характер власти царя, обусловленный сохранением в классовом обществе пережитков родоплеменного строя, нашел в архаических памятниках наглядное графическое отражение: фигура царя изображается обычно в значительно большем масштабе, чем все другие фигуры (например, на таблицах Нармера и Дена¹, на булаве «Скорпиона»² и на рельефе Семерхета).

К институтам родового строя, вероятно, восходит и должность высшего сановника «чати», упоминаемая в надписи на таблице Нармера. На этой таблице рядом с фигурой царя изображена фигура человека, одетого в звериную шкуру, с длинным париком на голове и с печатями на длинных шнурах в руке. Рядом с этой фигурой стоят знаки, читаемые как *t³tj* (Петри, Зете и Эд. Мейер). Этот «чати» был во времена Нармера, несомненно, высшим сановником в государстве, первым после царя лицом, хранителем государственных печатей. Эта должность не упоминается в надписях времени I и II династий. Как мы увидим ниже, во времена второй половины I и II династий роль первого сановника государства исполняло лицо, называвшееся *ḏšt(?)*, т. е. «хранитель печати». Весьма возможно, что должность «чати» восходила к институтам родовой организации и именно поэтому была временно вытеснена новой должностью «хранителя печати». На глубокую древность происхождения термина «чати» указывают и особенности в одежде этого лица, как оно изображено на таблице Нармера: звериная шкура, как известно, была ритуальной одеждой египетских жрецов, что, несомненно, являлось пережитком магических обрядов первобытной религии; таким образом, звериная шкура, в которую одет «чати» на таблице Нармера, весьма вероятно, свидетельствует о происхождении этой должности из должности племенного «колдуна». Впоследствии, во времена Древнего царства, старинный термин «чати» вновь вошел в употребление, вероятно, уже для обозначения новой должности, совершенно утратив свое прежнее значение.

От первобытной родовой организации, вероятно, ведет свое происхождение и другая должность, упоминаемая уже в надписях времени Мины, должность «хатиа» (*ḥ³tj³*). В надписи на памятной табличке времени Мины³ «хатиа» фигурирует в качестве руководителя религиозной церемонии. В этой же роли мы видим «хатиа» и в надписях на памятных табличках царей Джера, Джета и Дена⁴. В одной из надписей Джета к названию должности «хатиа» добавлен иероглиф, обозначающий слово «дворец»—*ḥ³*, а в надписях времени царицы Мернейт—название царской резиденции (?) «Сека» (*š-k²*) и иероглифический знак *šj*—«зал», т. е. «зал совета»⁵. В наскальной надписи Семерхета в Вади-Магхара «хатиа» фигурирует в роли высшего военачальника⁷. Все эти данные позволяют заключить, что в период архаики термин «хатиа» не обозначал определенной должности правителя нома, как это было позже (в словаре Эрмана-Грапова этот термин переведен как «*Verwalter eines Gaues*»), но являлся старинным почетным названием военачальника, а лица, носившие его, исполняли различные обязанности в зависимости от воли царя.

¹ RT, I, XIV, II.

² J. Capart, *Début de l'art*, фиг. 173.

³ J. Garstang, *The tablet of Mena*, AZ, Bd. 42, стр. 61 сл. См. также J. Capart, *Les origines de la civilisation égyptienne*, Paris, 1914, фиг. 3.

⁴ RT, II, XII, 1; VA, 13; VIA, 1; RT, I, XV, 16.

⁵ RT, II, VIA, 1.

⁶ RT, I, печать № 32.

⁷ A. Gardiner, *The Inscriptions of Sinai*, Part I, London, 1917.

К институтам родового строя относится, возможно, и термин «сер» (*šr*), обозначающий иероглифом человека с посохом. Это изображение мы видим на табличке времени Мины¹, на оттиске печати времени Джета (в сочетании с названием должности *šhm rhj·tw*²) и на оттиске печати времени Дена³. Известно, что в Текстах Пирамид этот термин обозначает советника-старейшину⁴, в архаических же надписях, как мы видим, он прилагается к обозначению административной должности, повидимому, в качестве почетного звания. В более поздних архаических надписях этот термин не встречается.

Должность «*wš rhj·tw*»⁵, имеющую, повидимому, значение «начальник народа», мы также можем считать восходящей к институтам родовой организации. Как известно, термин «*hd rhj·tw*», также встречающийся в одной надписи времени царя Джета⁶, обозначал впоследствии военачальника; поскольку же в надписях последующих царствований I и II династий термин «*wš rhj·tw*» более не встречается, то мы вправе

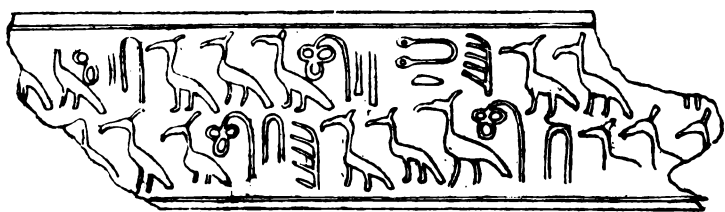

Рис. 24. Оттиск печати из гробницы Джета в Абидосе (RT, II, № 113)

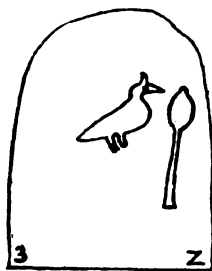

Рис. 25. Стела, найденная вблизи гробницы Джета в Абидосе (RT, I, XXXI, 3)

думать, что этот термин восходит к тому времени, когда армией был еще весь вооруженный народ (как известно, в Египте более позднего времени, например, в период Среднего царства, постоянное войско состояло из избранных лиц имущего класса, а рядовые подданные призывались к участию в войне только в случае крайней нужды)⁷. Подтверждение этому мы найдем и в факте сочетания этого термина с термином «*šr*».

Теснейшей генетической связью органов зарождающегося государства с родовой организацией объясняется, несомненно, и факт отсутствия в период архаики какой бы то ни было дифференциации между «светскими» и жреческими должностями. В архаических надписях в качестве руководителей религиозных церемоний выступают «Хатиа»⁸, «джает»⁹, «хери сешета»¹⁰, «семер», т. е. должностные лица государственного аппарата.

Если во времена Нового царства гробницы царей запечатывались печатями жрецов, то в период архаики эту функцию выполняли опять-таки различные должностные лица государственного аппарата: «хранители печати», начальники различных ведомств хозяйственного и налогового управления, перечисленных выше, высшие должностные лица государственного аппарата, как, например, «*iri-nšw·t*», «*hr dbw*», «*wš rhj·tw*», «*tr hr nšw·t*», «*hrj sšt*» начальники (*šhm*) дворцов и царских резиденций и специальные «начальники жертвоприношений» (*hr-hr*). Кроме того, в архаических надпи-

¹ См. прим. 1.

² RT, I, XIX, 8 и 9.

³ RT, II, печать № 160.

⁴ A. Moret et G. Davy, Des clans aux empires, 1923.

⁵ RT, II, печать № 113 (времени Джета) и RT, II, XXXVIII, 7.

⁶ RT, I, XXXI, 3.

⁷ В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 158.

⁸ Упомянутая таблица Мины и таблица Дена (RT, I, XV, 16).

⁹ Эта же таблица Дена.

¹⁰ Стела Сабефа времени царя Ка-Сена (RT, I, XXX).

сях, сохранивших нам множество названий должностей, почти совершенно не встречаются названия специально жреческих должностей. Исключение составляют два-три названия, в которых можно видеть названия специальных должностей, обслуживавших культ, как, например, «šm nfr nīr-w» («хороший мясник богов») и «īr nīr-w»¹.

На примитивный характер устройства государственного аппарата в период архаики указывает и факт произвольного, бессистемного совмещения должностей. Так, например, лицо по имени Сабеф, бывшее руководителем церемонии праздника Сед во времена царя I династии Ка-Сена, перечисляет на своей стеле ряд занимаемых им должностей: «семер во дворце», «сехем Красного дома», «хери-сешета», «удж-меду» и руководитель церемонии Себ-хед (šm hb hnt, imj-r² šd-hb); на упомянутой уже стеле этого же времени, найденной в абидосском некрополе на расстоянии между гробницами Семерхета и Ка-Сена, также упомянуто сразу три должности: d³st(?)-bjt, smg и šš(писец). Этот факт известен и из автобиографических надписей времени Древнего царства, причем его часто пытаются объяснить как перечисление всех последовательно занимавшихся данным лицом в разное время должностей. Однако такое объяснение опровергается данными архаических надписей на оттисках печатей: эти печати вовсе не были автобиографическими надписями, а отражали действительно существовавшее положение дел, и в них мы находим бесспорные данные об одновременном исполнении одним лицом нескольких должностных функций. Так, например, известный Хемака исполнял одновременно должность «хранителя печати царя Нижнего Египта», «сехема», «хер-иба» и «сандж-мера» трех царских резиденций (?) и «хер-хотепа» (начальника по жертвоприношениям)²; лицо по имени Ка-Са (k²-s³) во времена царя Дена занимало должности: «уста Нехена» (r⁴ Nhn) и «iri nšw-t» («глаза царя»); кроме того, к его имени добавляется почетное название «trj» = «первый»³.

Руководителями государственной религиозной церемонии праздника Сед были высшие должностные лица, как, например, Хемака и Сабеф, от которых до нас дошли памятники, в достаточной степени ясно свидетельствующие об их исключительно высоком положении. Но исполнение обязанностей церемониймейстеров в празднике Сед не было связано с какой-либо определенной должностью: Хемака был «хранителем печати царя Нижнего Египта», а Сабеф — «хери-сешета» и «сехемом Красного дома».

Для времени первой половины первой династии характерно сравнительно небольшое разнообразие в названиях должностей и ведомств государственного управления и неопределенность функций должностных лиц. В известных нам надписях этого времени встречается только несколько названий должностей: названия должностей ирригационного управления⁴ и придворные должности начальников дворца (šm pr-nšw-t, šm hnt и šm-h⁵) и царских резиденций⁶. Особенно характерна для этого времени должность «сехема» (šm), т. е. «начальника» в неопределенном смысле слова. Этот термин применяется в архаических надписях как в сочетании с дополнением, определяющим функции данного «сехема», так и самостоятельно, без такого определения. Встречаются «сехемы» по делам хозяйственного управления, как, например, «сехем» по делам ирригации⁷, или «сехем» резников⁸, «сехемы», исполнявшие упомянутые придворные должности.

От времени первой половины I династии до нас дошло небольшое число назва-

¹ RT, II, печать № 168 (время Перибсена, II династия) и RT, I, X, 9 (время Джета, I династия.)

² RT, I, XV, 16, печати №№ 54 и 55; RT, II, печати №№ 161 и 164.

³ RT, I, XIV, II и RT, II, печать № 157.

⁴ RT, II, печати № 121, 146, 147 и 150; RT, I, печати № 6 и 46; RT, I, печати № 6, 14, 24, 49, 53, 55—56, 64—67; RT, II, печать № 112.

RT, I, XXXI, 8 (надпись на стеле времени Джета).

⁵ RT, I, печати № 49, 50, 52, 55.

⁶ RT, I, печать № 21, 46 и RT, II, печати №№ 146—147 и 150.

⁷ RT, I, XXXI, 244.

ний административных должностей: «h^ctj^c», «ss» = «писец», «sr», «sh^m rhj.tw», «hd rhj.tw», «w^s rhj.tw», «hr db^cw» = «хранитель печатей (?)»¹ и «w^r.tw»² = начальника какого-то административно-территориального деления. Большая часть этих названий (за исключением «хатиа», «сер» и «уарту») в дальнейшем не встречается.

Надписи времени царя Дена и царей I династии, его наследников, показывают, как постепенно разветвляется и усложняется государственный аппарат. При сохранении должностей, бывших в употреблении ранее, появляется ряд новых должностей и ведомств. Впервые в надписях времени Дена и Мернейт упоминается «rg-hd» и должность hr^c rg-hd»³, название ведомства управления виноградодавальными⁴; в надписи на одной из печатей Мернейт наглядно изображено, что некий Хнумхотеп являлся начальником амбаров.

В надписи времени Андж-иба впервые встречается название «Красный дом»⁵. Также впервые, в надписях времени Мернейт, упоминается должность «семера»⁶; в надписи на стеле Сабефа, времени последнего царя I династии Ка-Сена, эта должность встречается в форме «семер во дворце»⁷, не оставляющей сомнений в том, что это была должность нового типа, характерная для новых, настоящих (хотя и примитивных) органов государственной власти. Такой же специфический, характерный именно для государственной организации, тип должностей представляют собой должности «хранителя печати царя Нижнего Египта» (d²st(?) -bjt), судебные должности r^c Nhⁿ и hrj sst², встречающиеся в надписях времени Дена и Ка-Сена (в надписи на стеле Себефа — hrj-sst t²wd mdw)⁸. Появление этих должностей обозначает, что в процессе становления государства уже выкристаллизовались специальные органы угнетения, отделенные от массы народа, — явление, особенно ярко подчеркивающее классовый характер и степень развития государства.

Появление должности «сехеджа винного погреба» свидетельствует о развитии системы соподчинения, так как термин «сехедж» обозначал, повидимому, понятие «помощник».

В надписях второй половины I династии мы находим также очень важные данные о развитии территориальной дифференциации ведомств государственного управления. По надписям времени Мернейт можно установить, что по территориальному признаку государственный аппарат разделялся на несколько крупных отделов: в этих надписях мы видим упоминание о «восточной сокровищнице»⁹ и о виноградодавильне северных областей в области «сокола»¹⁰.

Такая дифференциация системы государственного управления по территориальному принципу также представляет собой характерный признак возникновения настоящего государства. Однако в надписях этого времени мы не находим еще никаких следов так называемой дуальной системы управления государством: существует должность «Ра-Нехен», но нет нижеегипетской должности «при Не». С другой стороны, есть должность хранителя печати царя Нижнего Египта, но нет такой же должности для Верхнего Египта.

Еще более усложняется государственный аппарат во времена II династии. На ру-

¹ RT, I, печать № 10. Петри («Anc. Eg.», 1915, I, 11) переводит этот термин «over the fingers or sealing».

² RT, II, XXVII, 96 и 129 (надписи на стелах времени Джера и Дена). Этот термин в значении «начальник округа» встречается затем только в период Древнего царства.

³ RT, I, печати №№ 35, 36 и 40.

⁴ RT, I, печати № 37—38, а также времени Семерхета — RT, I, печати №№ 73—74 и 77.

⁵ RT, I, печать № 68.

⁶ RT, I, печать № 34.

⁷ RT, I, XXX.

⁸ RT, I, XIV, 11 и RT, II, печать № 134; RT, I, XXX.

⁹ RT, I, печати № 35, 36 и 40.

¹⁰ RT, I, печати №№ 37 и 38.

беже I и II династий в наших источниках имеется большой перерыв, и поэтому изменения в форме и содержании надписей, произошедшее за время, протекшее между царствованием Ка-Сена и царствованиями конца II династии, от которых дошли до нас надписи, особенно бросается в глаза. Надписи оттисков печатей времени Перибсена и Хасехемуи отличаются от надписей I династии большими размерами, большей связностью текста, несравненной тщательностью исполнения и резким увеличением фонетического элемента. В этих надписях появляется уже большое разнообразие названий ведомств и должностей государственного управления; названия эти указывают на дальнейшее усложнение и разветвление государственного аппарата, на дальнейшую дифференциацию между должностями и создают уже впечатление системы, чего нельзя сказать о времени I династии.

Рис. 26. Стела Сабефа
времени царя Ка-Сена
(RT, I, XXX)

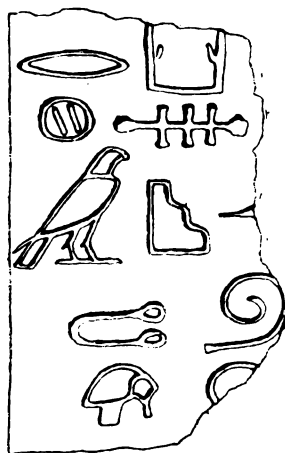

Рис. 27. Фрагмент таблички
из гробницы Дена в Аби-
досе (RT, I, XIV, 11)

Впервые в надписи времени Хасехемуи упоминается централизованное ведомство земельного управления (см. рис. 28)¹, причем указание на территориальную ограниченность функций этого ведомства областью двух соколов (впоследствии коптосского нома) свидетельствует о существовании хорошо разветвленной системы центрального управления (о том, что речь идет об ответвлении центрального аппарата, а не о местном органе, свидетельствует имя царя, стоящее рядом с этими иероглифами, и факт участия этого ведомства в ритуале царского погребения).

Упоминание в надписях времени Перибсена и Хасехемуи ведомства продовольственных поставок «pr-ḥd df»² и специального писца этого ведомства³ свидетельствует о дальнейшем развитии централизованного аппарата сбора дани и распределения прибавочного продукта.

Отрывочные сведения, сохранившиеся в немногочисленных известных нам надписях времени II династии не позволяют обрисовать более или менее полно сложившуюся к этому времени систему государственного аппарата, но отдельные названия должностей, не встречавшиеся ранее и не имеющие себе аналогий в надписях времени I династии, дают возможность охарактеризовать новые черты этой системы, отличающие ее от государственного аппарата времени I династии. Появление таких должностей, как должности «хранителя печати для всех документов Юга»⁴, «хранителя печати

¹ RT, II, печать № 197.

² RT, II, печати №№ 164, 167, 174, 183, 184.

³ RT, II, печать № 166.

⁴ RT, I, печать № 164.

по делам дани Севера»¹, и «хранителя печати для ежедневного (?) клеймения скота»². в то время как в надписях I династии упоминается только должность «хранителя печати царя Нижнего Египта», свидетельствует о значительном усложнении государственного аппарата, о его разветвлении, дифференциации обязанностей должностных лиц и дальнейшем развитии системы соподчинения. С другой стороны, в надписях времени II династии совершенно не встречается такая должность, как начальник ирригационного управления, ни разу не упоминается термин «šr», значительно реже встречается неопределенный термин «сехем» и название должности «адж-мер». Первая из этих должностей

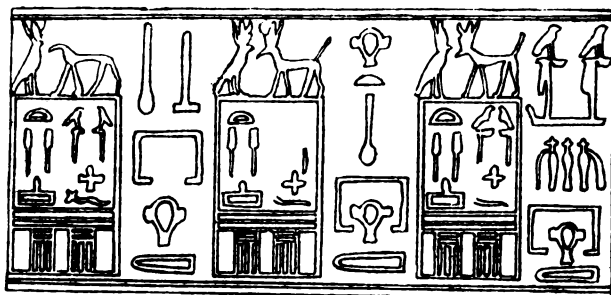

Рис. 28. Оттиск печати из гробницы Хасехеми в Абидосе (RT, II, № 197)

впоследствии никогда более не встречается; таким образом, возможность случайного ее отсутствия в надписях времени II династии почти исключена. Этот факт подтверждает предположение, высказанное выше, о том, что должность «начальника ирригационного управления» (см. рис. № 4) восходит еще к институтам родового строя.

Для характеристики степеней развития государства времени конца II династии очень важны данные архаических надписей, свидетельствующие о выделении из обще-

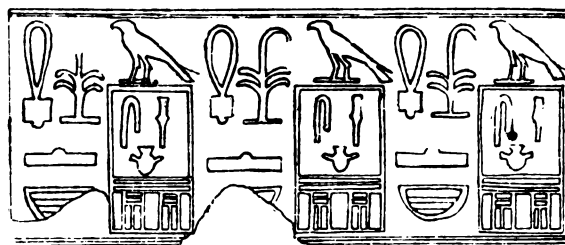

Рис. 29. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехемиба (RT, II, № 164)

государственного земельного фонда обособленных владений царя и храмов: надписи говорят о «садах Красного дома»³, о виноградниках царского дома⁴, о винограднике храма⁵ и о клеймении скота⁶ (клеймение, конечно, подразумевает закрепление скота за определенным владельцем, в данном случае именно царем).

Изучение архаических надписей в последовательно-хронологическом порядке приводит нас, таким образом, к ряду принципиально новых выводов.

¹ RT, II, печать № 184.

² RT, II, печать № 185. Толкование Петри в «Anc. Eg.», 1926, I, 1287.

³ RT, I, печать № 68.

⁴ RT, I, печать № 77.

⁵ RT, I, печать № 34.

⁶ RT, II, печать № 185.

Во-первых, мы видим, что в период I и II династий система государственного управления находится в процессе непрерывного изменения.

Во-вторых.—что в этот период государственный аппарат проходит только начальную стадию становления. Становление государственного аппарата идет неуверенным, колеблющимся шагом: первоначально нет вообще никаких должностей и ведомств и все управление государством осуществляется, с одной стороны, руками старых должностных лиц родоплеменного строя (например, племенных должностных лиц по управлению ирригацией и военачальников), а с другой стороны, руками приближенных царя, которые составляют на первых порах только конгломерат исполнителей воли царя без определенных, твердо фиксированных функций. Лишь постепенно появляются названия должностей, отражающие обязанности данного лица, система соподчинения, система дифференциации ведомств по территориальному принципу и по отраслям хозяйства. При этом еще почти отсутствует принципиальное различие между службами царского дворца и ведомствами государственного управления. Такое развитие государственного управления приводит к возникновению чрезвычайно громоздкого, неуклюжего аппарата власти, который растет, как снежный ком. Укрупнение ведомств, развитие системы их соподчинения составляет уже следующий этап развития государственного аппарата, который в период архаики еще даже и не начался.

В-третьих, последовательно-хронологическое изучение архаических надписей показывает нам, что процесс становления государственного аппарата идет путем преобразования органов родового строя и постепенного вытеснения их новыми органами настоящей государственной власти, причем характерную особенность этого процесса в Древнем Египте составляет преобладание тенденций преобразования, приспособления органов родового строя к новым задачам классового общества над тенденцией создания новых органов, которое идет медленным темпом. Причиной этого явления был застойный, консервативный характер экономики Египта, обусловивший возникновение деспотической формы государства.

Н. Постовская

О ДАТИРОВКЕ PAPYRUS TEBTUNIS 703¹

По богатству и важности содержания инструкция-гипомнема, опубликованная в первой части III тома Тебтунисских папирусов под № 703, является одним из наиболее важных источников по экономике и социальным отношениям в эллинистическом Египте позднего III в. до н. э. К сожалению, из-за порчи начала документа его дата не сохранилась. Во введении к № 703 вопрос о датировке этого замечательного источника не был решен окончательно. По целому ряду оснований исследователь папируса М. Ростовцев отнес его к началу правления Эвергета I, ко времени после 3-й Сирийской войны, но он также допускал возможность и более поздней датировки, а именно,—временем вскоре после битвы при Рафии, в следующем царствовании, при Филопаторе. Интервал между двумя предполагаемыми датами оказывается равным 25—30 годам. После выхода в свет первой части III тома Тебтунисских папирусов хотя и были работы, посвященные Р. Tebt. Papyri 703², но специально вопрос о датировке не исследовался, и в своей

¹ The Tebtunis Papyri, v. III, p. I, ed. by A. S. Hunt and J. G. Smyly, London, 1933, № 703, Instructions of a dioecetes to a subordinate, стр. 66 сл.

² L. Wenger, Papyrologische Miscellen, «Aegyptus», XIII (1933), стр. 582; U. Wilcken, «Arch. f. Pap.» XI, 1933—195, стр. 148; K. E. W. Schmidt, The Tebtunis Papyri, III, p. I, «Philologische Wochenschrift», 1934, № 47, стр. 1307; E. Berneker, Die Sondergerichtsbarkeit im griechischen Recht Aegyptens, mit rechtsvergleichenden Ausblicken, Münch.; «Beitr. z. Pap. u. ant. Rechtsgesch.», XXII (1935) Munich, стр. 69, 102, 110; Préaux, Note sur le destinataire du mandement P. Tebtunis 703, «Chronique d'Égypte», XXI (1936), стр. 163.